

УДК 808.2 + 882(09)

Н.В. Крицкая

Поэт как творец и новатор языка: поэзия М. Цветаевой и параллельные процессы в белорусской поэзии

Цель данной статьи – показать, что поэтический язык – воплощение потенциальности национального языка – и русского, и белорусского. Для этого выявляются потенциальные возможности языковых единиц, а также показывается, каким образом их реализация позволяет каждому поэту выразить свое понимание мира, свою философскую и эстетическую позицию. Все это доказывается на материале творчества М. Цветаевой, а также белорусских поэтов, современников М. Цветаевой, – В. Жилки и В. Дубовки, у которых наблюдается сходство не только в творчестве, но и в жизненных перипетиях (жизнь в эмиграции, в Чехии – у Цветаевой и у Жилки, репрессии – у Дубовки). Позволяет объединить этих поэтов также тот факт, что все они поэты-бунтари, не удовлетворенные жизнью и переполненные стремлением к обновлению [1].

Однако бунт у них различен: если М. Цветаева, по ее собственному выражению, «мятежница с вихрем в крови», то у белорусских поэтов преобладает социальное бунтарство, тихое, смешанное с печалью и болью за Родину:

*Браты мае! Даволі ашуканства!
Гасцей дахаты выправіць пара.
З лазы заплаканай спляцём ім кайстры
Для нарабаванага ў нас дабра.*

В. Дубовка [2]

*Краіна родная! Так сталася ў з Табой.
Багацце ў хараство твае прыроды
І прошласць слаўную змяшаў чужак з гразёй
І словы вывеў гідкія для зводу.*

В. Жилка [3]

Напряженная творческая активность этих поэтов в 20-е гг. XX в. связана с объективными историческими причинами: после октябрьской революции, конца гражданской войны и огромных социально-политических перемен в жизни общества, всюду в стране, в том числе и в Беларуси, оживилась культурно-духовная деятельность и известных к тому времени деятелей культуры, и широких народных масс вообще.

И независимо от того, как они воспринимали эти события жизни (революция как освобождение трудового народа или как «октябрьский переворот», повернувший историю вспять), грандиозность случившегося нашла отражение в их творчестве. Поэтому абсолютно прав известный мыслитель XX века О. Розеншток-Хюсси, утверждавший, что «...в человеческой речи навечно записывается все, что происходит во вселенной. Каждое предложение, произносимое нами сегодня, содержит в себе свидетельства подлинных событий, с которыми мы сопоставляем поступок, зафиксированный нашим высказыванием. И эти, некогда бывшие поступки и события, удержаны в словах, морфемах..., в употребляемых словосочетаниях и оборотах, и мы вновь и вновь возвращаем к жизни эти события и факты прошлого просто в силу того, что говорим сегодня» [4]. Следовательно, языковые явления можно рассматривать как отражение философской, эстетической и жизненной позиции автора.

Считается, что М. Цветаева не поняла сущности и величия революции, но, думаю, что она как раз ее хорошо поняла и потому не приняла.

В отличие от М. Цветаевой, которая была поэтом тайн души, названные белорусские поэты более традиционны, стоят ближе к белорусской поэтической традиции, которая воспевала особенную красоту крестьянского труда, его желание стать человеком:

*Я прышоў у палацы сноў –
Ад цяжкіх нягод зямелькі.*

В. Жилка [3]

В своих русских поэмах М. Цветаева использовала сказочные сюжеты, у В. Жилки тоже есть стихотворения этого периода, которые начинаются сказочными мотивами:

*Яго ў зямлі знайшоў маёй разлогай,
Аручы прадзедаў вузкі загон.
Вясёлым звонам аказаўся ён,
Калі чапіў канцом майго нарага.*

В. Жилка «Меч» [3]

Русские поэмы М. Цветаевой сказочны не только по сюжету, но и по мировидению, представленному в них. Аналогичные мотивы сказок также входят в поэзию названных авторов:

*Беларусь, Беларусь –
Край замчышч, курганоў,
Дзе таяцца страхоцці і звод,
Дзе русалкі выходзяць з віроў
І начніцы вядуць карагод.*

В. Жилка [3]

Новый период в жизни общества предполагает не только новые идеи в творчестве поэтов, но и новые формы в стихе, что и формирует новый язык. Как это происходит?

Во-первых, все они разбивают строгую систему «правильного» стиха, которая расшатывается под ударами впечатлений и чувств поэтов. Из области понимания мира и его отображения в своих стихах они переходят в область передачи ощущений. Это их ассоциативное восприятие:

*Палючы і хмуры
Агонь нас апёк,
І палкасьць пануры
Хавае наш зрок.*

В. Жилка [3]

*Маё сэрца рвецца на кавалкі
і сціскаецца тугой вялікай.*

В. Дубовка [2]

Во-вторых, нарушается рифма, ритм, не соблюдаются правила пунктуации, нарушается традиционный синтаксис. Изменяется и ритмическая организация стиха. И, наконец, иным, более емким становится поэтическое слово.

Рассмотрим подробнее, отметив при этом, что все названные процессы у М. Цветаевой больше выпячены, а потому кажутся ярче, хотя глубинная сущность у них одна и та же.

В поэтических текстах всех трех авторов наблюдается иная нагруженность звуков, меняются также их функции:

*У бездарожжы зблудзілі глыбока,
Пацямнеў цёмны шлях наш цярновы*

В. Жилка [3]

Повтор согласных Ц и Ш, т.е. аллитерация, вызывает ассоциации с «чв-кающей» топью болота, делающим путь лирического героя особенно трудным. Так аллитерация усиливает впечатление, создаваемое содержанием, создает трагическое звучание.

В своем творчестве сопоставляемого периода (1920–1922 гг., т.е. годы написания поэмы М. Цветаевой) В. Дубовка также широко использует диссонансную рифму:

*Імжа. і склізота. і прыккая зодь
За ськрогатам ветру навадай.
У чмарнасць убралася светная столь.
Блакiт ад зямлі адарвада.*

«Імжа, і склізота, і прыккая золь»

Цветаевские ритмы неповторимы. Она с легкостью ломает привычные для слуха ритмы: прерванные фразы, телеграфная лаконичность:

*Шаг – час,
Вдох – век,
Взор – вниз.
Все – там... [5]*

Тревожные ритмические провалы, не допускающие мелодической плавности, резкость и разрывность стихотворных ритмов М. Цветаевой не идет ни

в какое сравнение с плавной поэтической речью белорусских поэтов:

*О мрамур светлага чала
Пад пасмамі глухой заве!
О тонкіх рук, о рук лілеі,
Што не чынілі справы зла!*

Однако и в их поэзии начинает формироваться излом ритмических фраз, несовпадение стиховой и грамматической сегментации текста:

*«Умерці» – мы тоім
У глыбі нашых воч.
«Умерці абоім
У гэтую ноч»*

В. Жылка

Особая поэтическая морфология М. Цветаевой и ее более вольный синтаксис (использование разговорного синтаксиса, нелитературных конструкций, обилие неполных предложений) почти не встречаются у названных белорусских авторов в этот период. Грамматические вольности ворвутся в белорусскую поэзию уже в новое время (поэзия Е. Янищиц и Р. Бородулина):

*...Мне вароты
Вёска адчыняе, як душу,
Што там, за варотамі, –
Я знаю:
Спее жыта. Каласы звяняць.
«Ясельда»*

Но и у названных белорусских поэтов встречаются сплавленные воедино слова: *уздыхае кароўка-худо́ба* (В. Жылка), *на палетках плясочкі-пляскі*, хотя они менее смелы, чем цветаевские соединения – *опрометь-охлест-бог*.

В стихах В. Дубовка употребляет слова «сквіл», «скелзы», «трыкліні», «дайлідзіць», «хіжыць», «дрвіцца», «соўкаць», которые помогают усилить абстрактность белорусского поэтического слова – сделать его более емким и гибким. Сам В. Дубовка говорил, что словотворчество – это тоже поэзия. Поэт использует разные части речи для образования окказиональных слов. В стихах встречаются глаголы-окказионализмы, образованные от существительных:

*Палыны пасівелі на ўзгорку,
запрыгоршчыць і кіне іх вецер.
.....
Мо затым і прыемна і горка
калі скрозь распрыгоршчаць іх ветры?
«Палыні пасівелі на ўзгорку»*

В. Дубовка употребляет и существительные-окказионализмы, образованные от глаголов:

*Я прысягаю – праклянучь нас дзеці...
За апяшаласць нашу нам праклён.*

Здесь окказионализмы, индивидуально-авторские инновации являются маркерами символической емкости текста, его особого нравственно-эстетического потенциала.

Рифмуя и соединяя созвучные слова, поэт создает многомерный мир во всей его сложности. И если в творчестве М. Цветаевой появляется много прилизительных, неточных рифм (*Бойся не тины. / Тверди небесной / Ненасы- тимо / Сердце Зевеса*), то в поэзии белорусских авторов такие рифмы – большая редкость:

*На палетках пясочки-пяскі,
Можа, жыта, а можа, там бульба...
Край мой, край, над табой лёс накліў,
а чужынцы ў лапці абулi*

В. Дубовка [2]

Искания В. Дубовки в области рифмовки расширили ассоциативно-звукковые возможности стихотворений, обогатили ритмично-композиционную функцию в структуре стихосложения за счет фонетических, морфологических, синтаксических особенностей.

Особенно богато творчество Дубовки ассонансными рифмами: *волю – груга-ношч, каменне – дзень, бярозы – пагрозай, распаўсюдзіў – людзі, голасна – голкамі – гоманам, пошчакам – нябожчыкі, журба – жабрак* (сборник «Стома»); *Фінікія – маўклівых, куп'ём – завіём, істотай – точаць, паветрам – паветкай, узвышша – выйшаў* (сборник «Трысце»); *мне – скалыхнеш, губляць – зямля, переломіш – камсамолец, каляровай – кляновай* (сборник «Credo»).

Часто поэт пользуется и сложной рифмой: *зварухнець – на дне, маладых – да тых, сціскала – на скалы, змаганні – ня змяняць, ні гуку – ку-ку*.

Известно, что в поэзии действуют иные семантические законы, нежели в обыденном языке. Так, значение слова в поэтическом тексте может быть реализовано в некотором глубинном смысле. Например, в поэме «Переулочки» слово *лазорь* обозначает не цвет, а высоту и запредельность, другую землю, другой мир, а также душу лирической героини. Доказательством важности этого слова в цветаевском поэтическом мире служат многочисленные окказионализмы, в которых оно использовано в преобразованном виде: *Зорь-Лазоревна, Синь-Озеровна, Зыбь-Радуговна, Синь-Савановна, Вись-Ястребовна* и др.

Эти же процессы можно наблюдать и в творчестве белорусских поэтов. В их стихах происходит приращение смысла к основному понятийному значению, приращение культурной коннотации: *шыпына* («О Беларусь, мая шыпына»), *чарнабылле, шыпынник* – с символическим значением, *ненасытна свiргочуць жорны* (В. Дубовка).

«Полимпсест» – с ней В. Жилка сравнивает Беларусь: в книжке ее исторического Бытия иностранцы стирали наши святыя тексты, чтобы на чистом ее «*пергаменце*» записать что-то чужое и вражеское. Себя поэт сравнивает с «*грамнічнай свечкай перад Богам*», а мотивы своих стихов сравнивает с «*дымам кадзільным*», поднятым к небу как бескровная жертва «*за народ твой крывіцкі*», как мольба послать на его землю пророка и спасение. Для поэта Беларусь – трагическая Дева Мария, а белорусская культура – ее образ – икона.

Особое место в творчестве данных поэтов занимает смысловая многоплановость поэтического слова, повышенная семантическая глубина слова. Дело в том, что всякое поэтическое произведение может быть рассмотрено как замкнутая система, все элементы которой взаимодействуют так, что каждый из элементов испытывает влияние всей этой системы. И потому именно в рамках этой системы часто получают свое новое качество, новые смыслы. Поэзия – это «язык в языке» (Поль Валери), это полное использование потенций языка, и в этом плане хорошего национального поэта, смело использующего потенциальные возможности языка, можно назвать его творцом и новатором.

Широко используются названными авторами различные языковые приемы, тропы и стилистические фигуры, например, анафора: *Має гора усёды, усёды: / Має слёзы – ў дажджах навальніцы, / Має енкi ў стогне народу*; контрасты, парадоксы, алогизмы: *Як гады, віснуць косы з плеч яе; Душа мая тужлівая – / Лілея між балот.*

Владимир Жилка – поэт «абвостранных эмоций» [6], тонкого восприятия реальности, поэт музыкального склада (такова была М. Цветаева лишь в своем раннем творчестве):

*Снег, завая; вецер вее,
Круціць, дзьме.
Візар гонкі, гучны, звонкі
Ў белай цьме.
Комам ліпка, снегам, снегам сыпка
Сее сеў.
Носіць тайны, спеў адчайны,
Смерці спеў.*

«Зімовае»

Многие его стихи вписаны в народно-песенную традицию (такова и М. Цветаева в своих поэмах):

*Перад скрыняй будучыні
Я – юнак Давід.
.....
Над табой, Сыёне родны,
Перад сьветам зоры згодна
Сталі ў тайны знак...*

При наличии множества общих черт в творчестве данных поэтов, их сходного отношения к языку: тенденции к преодолению его автоматизма, каждый из названных поэтов супериндивидуален в своих эмоциональных и культурных художественных образах.

Итак, в 20-е гг. XX в. началось усложнение художественных средств, что чутко уловили все три поэта, независимо от их национальной принадлежности и культуры. Каждый из них использует потенции языка, но по-своему. Так, метафорические сравнения почти не обнаруживаются в творчестве В. Дубовки, но М. Цветаева, наоборот, широко использует их. Этот прием стал частотным в русской поэзии XX в.: *рифм веселых огоньки* (Блок), *сонное озеро города* (Блок), *ревности медведь* (Хлебников), *кружево восторга* (Асеев), *моих слов соловьи* (Ахмадулина) и т.д. В творчестве В. Жилки метафорические сравнения только начинают формироваться из простых сравнений:

*Як русалка, уся яна
Пераменна, квола:
Вось зіе, як вясна,
Раптам – невясёла.*

Поэтику «русских» поэм М. Цветаевой можно охарактеризовать как поэтику предельности (на что указывали и другие авторы, например, Л.В. Зубова, И.В. Кудрова [7; 8]), но предел в этих поэмах свой – как условие перехода в иное состояние, как система превращений (см. *лазорь* и *лазурь* как пример

превращения цветообозначения в символ потустороннего мира), поэтику контраста. Все это проявляет себя как в языковых средствах (на уровне звука, слова, его строения и семантики), так и на уровне тропа – гипербола, антитеза, оксюморон. Эти черты в меньшей мере, но все же характерны и белорусским поэтам-современникам – В. Дубовке и В. Жилке. М. Цветаева более оригинальна в построении образа, в основе которого слово, дающее такой пучок ассоциаций, который притягивает к себе или отталкивает другие слова.

Все три поэта упрямо выискивали новые пути в поэзии. Они обладали мощным эмоциональным потенциалом, пронизательным умом и страстью к самонаблюдению, в результате такого сочетания личностных качеств им удалось осмыслить и отразить в поэзии не только реальный мир, но и чувства и переживания свои и своих современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугаёў, Д.* Дубоўка: Крытыка-біяграфічны нарыс. – Мн., 1965.
2. *Дубоўка, У.* Выбр. тв.: у 2 т. – Мн., 1965. – Т. 2.
3. *Жылка, У.* Уяўленне. – Мн.: Маст. літ., 1997. – 221 с.
4. *Розеншток-Хюсси, О.* Речь и действительность. – М., 1994. – С. 75.
5. *Цветаева, М.* Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
6. *Гаўрук, Ю.* Сустрэчы з Уладзімірам Жылка / Жылка У. Творы: Паззія, эстэтыка. – Мн.: Маст. літ., 1996. – С. 262.
7. *Зубова, Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
8. *Кудрова, И.В.* Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность. – СПб.: Вита Нова, 2003. – 528 с.

S U M M A R Y

The works by Tsvetaeva, Dybovka, Zhilka are studied in the context of the Russian and Byelorussian culture of the 20-ies. Experimental character of the writer's creative work is analysed. The power and originality of M. Tsvetaeva's, V. Zhilka's and V. Dubovka's poetical word haven't been analyzed adequately. Their poetical style and creative works attract not only thanks to the variety of topics, motives, problems and images, but also because of unexpected solution given to each topic or problem and the unique way of personal discourse – the way their «language» works.

Поступила в редакцию 8.10.2006